

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ
В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

В статье исследуется путь теоретической мысли Нового и Новейшего времени через призму формирования в гуманитарном знании представлений о конфликтности как неизменной черте отношений между поколениями.

Ключевые слова: поколения, межпоколенческая конфликтность, конфликт поколений, гуманитарное знание

E.S. Sidorov

**THE IDEA FORMATION OF THE INTER-GENERATIONAL CONFLICT
IN THE HUMANITARIAN KNOWLEDGE**

The theoretical thought way of New and Modern Time through the prism of idea formation on the conflict as a constant feature of the relationship between the generations in the humanitarian knowledge is researched in the article.

Key words: generation, intergenerational proneness to conflict, generation conflict, humanitarian knowledge.

Понимание особенностей в социальных взаимоотношениях между поколениями является важнейшим аспектом для понимания общества как сложной, развивающейся системы. Одним из подходов в изучении социального феномена поколений явились теории так называемого «конфликта поколений», активно развивавшиеся на базе фрейдомарксизма в западной гуманитарной мысли в середине XX века и вновь актуализированные в отечественной гуманитаристике пост-советского периода. В силу этого является актуальным обращение к вопросу о формировании подобных – конфликтных – представлений в гуманитарном знании Нового и Новейшего времени.

В данной статье мы ставим перед собой **цель**: проследить общий путь теоретической мысли эпохи Нового и Новейшего Времени, которая привела к возникновению данного рода теорий. Однако мы должны уточнить, что не теории сами по себе являются предметом нашего внимания, а тот факт, что они репрезентируют определенные интенции общественного сознания. Иными словами, наша подлинная цель – проследить за тем, как в теоретической мысли Нового и Новейшего времени формировалось представление о противоречивости (т.е. конфликтности) межпоколенческих отношений. Для реализации поставленной цели мы должны решить следующие **задачи**:

1) проанализировать то восприятие межпоколенческих отношений, которое было характерно для традиционного, христианского общества эпохи Средневековья и которое выступает как антитеза тем представлениям, что были сформированы в научном дискурсе эпохи Нового времени;

2) проследить путь формирования представлений о межпоколенческой конфликтности в гуманитарном знании Нового времени;

3) проанализировать специфику восприятия межпоколенческих отношений (в ракурсе их конфликтности), сложившуюся в XX веке.

При написании статьи использовались **методы** анализа и синтеза, компаративистский и диахронический методы.

Дело в том, что одного эмпирического наличия некоего факта (в нашем случае конфликтности, возникающей в результате объективной разности поколений, обнаруживающейся в процессе когнитивного развития личности) недостаточно для того, чтобы ряд данных фактов рассматривался в качестве социокультурного феномена. Таковым становится лишь явление признанное, обозначенное, «высказанное» в той или иной форме общественного сознания. Так, например, феномен межпоколенческой конфликтности не мог быть обозначен как признанное социокультурное явление в рамках традиционного общества, хотя естественный познавательный процесс, так или иначе, ставил эту проблему, и лишь канализация ее оказывалась затруднена. Но дело также и в том, что человек (и человечество), как правило, *видит то, что готов видеть, а готов он видеть то, что уже обозначено*. Факты мира, факты жизни могут игнорироваться, не замечаться, если сознание не имеет потенциальной возможности как-то обозначить их на теоретическом уровне. И потому феномен конфликтности малозначим для традиционного общества – сама мысль о нем, представление о нем как социальном (а не сакральном) явлении отсутствовало. И потребовался долгий путь работы мысли,

увенчанный социальным мифотворчеством З. Фрейда, пронзившего всю известную нам реальность идеей антагонизма поколений. Критикуя, отрицая, признавая или интерпретируя эту идею, современный человек изначально, так или иначе, с ней знаком – образ поколенческого антагонизма стал устойчивым представлением. Речь не идет о том, что З. Фрейд открыл миру некую истину, речь идет о том, что он (и дальнейшие его последователи) предложил некую теоретическую схему, модель интерпретации, точку зрения, позволяющую упорядочивать многообразные факты мира. Развитие и противоречивость подобной позиции естественно возникает ввиду указанной нами ограниченности всякой теоретической схемы сознания – факты мира все время ставят перед нами проблему собственной противоречивости. Однако концепт «конфликта поколений» оказался плодотворной моделью объяснения определенной части реальности.

Первой же нашей задачей будет проследить путь теоретической мысли от «неконфликтной» парадигмы традиционного общества к фундаментально конфликтной парадигме фрейдизма, когерентной общественному сознанию современного общества.

Теоретическая мысль эпохи Нового и Новейшего времени, сформировавшая в апогее фрейдистского учения представление о всеобщности межпоколенческого антагонизма, развивалась в контексте широкого движения секуляризации и эмансипации из-под «опеки» патриархальной, христианской идеологии. Описывая ситуацию, в которой начали развитие секулярные представления о свободе эпохи Нового времени, прежде всего сосредоточимся на патриархальных коннотациях христианства. По сути, вся этика европейского (христианского) традиционного (до-модерного) общества есть этика *in nomine patris*. Данное отношение архетипически фундируется образом отношений Христа как Сына и Бога-Отца: «И, отойдя немного, пал на лицо Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Матфей 26:39). Таким образом, ситуация в Гефсиманском саду фундирует отношения поколений как отношения смирения перед некоей *мудрой волей*, скрытой и недоступной вопрошанию о причинах ее решений. Той же теме подчинения «Отцу» отвечает известная притча о блудном сыне. Возвращение блудного сына – это возвращение из своеволия к воле, признаваемой выше, чем своя, в силу патриархального символизма легитимирующей ее фигуры «отца». Именно смирение и раскаяние являются моментами искупления своеволия, греховной свободы, свободы в смысле дерзания отхода от патриархального канона, а отход от канона в поведении или любой жизненной практике и есть основа межпоколенческой конфликтности. Это фундаментальный принцип несовершенного человеческого бытия, согласно христианству, что находит отражение, например, в ситуации троекратного отречения и последующего раскаяния Петра [4, с. 378]. В целом, подтверждает данное воззрение на поколенческие отношения в рамках библейской парадигмы и понятие «родительского проклятия», зиждившегося на особой власти родителей над детьми, о котором в том числе упоминают Блаженный Августин и Иоанн Златоуст.

То есть социальная реальность традиционного, недифференцированного общества подкрепляется зафиксированным в христианской традиции символизмом греховности отхода от воли «старшего», т.е. «высшего». В такой ситуации конфликтность поколений как формы диалектики нового и не-нового отношения к чему-либо оказывается нелегитимной в рамках существующей традиционной культуры, ее общественного сознания.

Новое время внесло коррективу в эту ситуацию. Наметился отход от свойственного традиционному обществу неприятия изменений и новаций, что на метатеоретическом уровне было зафиксировано в гносеологической нацеленности основных новоевропейских философских систем. Стремление к открытию нового пути к истине (Бэкон Ф., Декарт Р., Галилей Г.) подкреплялось и технико-социальной ориентацией на изменение существующего уклада (что ярко выражено у того же Бэкона Ф.). Наш интерес здесь заключается в том, что всякая перемена, всякое изменение и отход от канона в широком смысле всегда есть дело новых поколений, реализуемое как разность прежних и грядущих поколений. Общая для Нового времени вера в разум (разум, преодолевающий заблуждения прошлого!) и прогресс, таким образом, оказывается макросоциальной предпосылкой для легитимации этой самой разности и противоречивости поколений, чьи отношения уже не могут видаться в ракурсе патриархальной «подчиненности» (которая суть есть «схожесть» – некритическая преемственность): «тот, кто имеет дело с детьми, должен основательно изучить их натуры и способности и при помощи частых испытаний следить за тем, в какую сторону они легко уклоняются и что им подходит, каковы их природные задатки, как можно их усовершенствовать и использовать» [1, с. 452]. Дж. Локк, внесший важнейший вклад в педагогическую теорию XVIII века, конечно, во многом стоит на позиции защиты авторитета воспитателя (т.е. представителя прошлого – «старшего» поколения), но акцент на склонности и интересы воспитуемых есть важный шаг на пути «эмансипации» самоопределения (т.е. свободного выражения противоречивости, инаковости) новых поколений. Вообще, в дискурсе взаимоотношений поколений Новое время сосредотачивается именно на проблеме воспитания – его основаниях. В след за Дж. Локком ее касается в трактате «Эмиль» Ж.-Ж. Руссо. Идея «естественного воспитания» – мысль о вреде искусственного навязывания неких интересов и представлений, вот краеугольный камень концепции французского просветителя. Интересно соотнести эту теорию с общефилософским бэкграундом Ж.-Ж. Руссо – пред-

ставлением о человечестве, достигшем времени, когда возможно будет откинуть цепи и предубеждения прошлого. При таком рассмотрении мы можем соединить представления об эмансипации будущих поколений и человечества в целом (мысль, основная для фрейдомарксистских теорий «конфликта поколений» в XX веке). Вообще, Новое время, с его ориентацией на линейно-прогрессистскую идеологию, подготовило представления о межпоколенческой конфликтности, ведь именно в рамках такой идеологии она и оказывается возможна, так как именно в превосходении поколений прошлого, через отрицание их представлений и догм оказывается возможен прогресс.

Следующим шагом в формировании общего фона для восприятия межпоколенческой конфликтности стал XIX век. К. Маркс и Ф. Ницше внесли принципиальный конфликтный момент в восприятие социальной реальности. Как в трудах К. Маркса, так и в трудах Ф. Ницше, примечателен момент столкновения «старого» и «нового», их конфликта. К. Маркс показывает, как в процессе человеческой истории каждое новое поколение отбрасывает устаревшие модели деятельности и созидает новые. Также важно понять и ту специфическую, историцистскую модель общественного развития, которую предложил К. Маркс и которая оказала важнейшее влияние на формирование теорий «конфликта поколений» 1960-х годов. Но еще важнее понять вклад Ф. Ницше в формирование того общетеоретического фона представлений о межпоколенческой конфликтности. Антропология Ницше, идея преодоления оказывается когерентна идее межпоколенческой конфликтности, которую мы понимаем как противоречие «старого» и «нового». Ф. Ницше, в некотором смысле, предвосхитил фрейдовское понимание травматичности связи родителей и детей, тянущейся во взрослую жизнь из детства: «У какого ребенка нет оснований плакать из-за своих родителей?» [2, с. 76]. Ф. Ницше фактически распространил конфликтный дискурс с полит-экономической сферы на сферу этики, морали, выбора ценностей, незря у него взаимосвязаны понятия «ценности», «созидания», «борьбы», «врага», «войны» и «свободы» и звучат темы отречения от чужих ценностей и авторитетов [2]. Ницшеанский пафос преодоления прошлого, отжившего найдет свое воплощение во все тех же представлениях о мессианской роли молодежи в теориях «конфликта поколений».

Теперь мы обратимся к экспликации моментов, отсылающих к теме межпоколенческой конфликтности в теоретическом наследии З. Фрейда. З. Фрейд в своих ранних произведениях ассоциировал ритм социальных изменений с ритмом взаимодействий поколений, причем взаимодействие это было взято им в специфически конфликтной конфигурации. Позже основатель психоанализа отказался от социологических коннотаций своих размышлений о поколениях и создал свой вариант «священной истории» человеческой цивилизации и культуры, фундирующий новое видение мира. В основе этого, «фрейдистского мифа», собственно, и оказались конфликтные отношения поколений – отца и сына. Оставляя в стороне дискуссии о научности и практической пользе психологии «по Фрейду», мы согласимся с метким замечанием о примате культурной значимости психоанализа для истории XX века. З. Фрейд, как К. Маркс и Ф. Ницше, является фигурой, во многом конституирующей мировидение западного общества XX века. Благодаря З. Фрейду, сознание человека приобрело в том числе и новые модели интерпретации реальности: «психоанализ вписывается в современную культуру в качестве ее герменевтики» [3, с. 187]. И момент межпоколенческой конфликтности и антагонизма является одним из основных в интерпретации этой реальности. Речь идет не о некоем «срывании покровов» или о теоретическом согласии/несогласии с фрейдовскими построениями, а о том, что, благодаря З. Фрейду, проблема «конфликта поколений» получила статус «вечной», стала призмой современного видения реальности и нашла отражение в многочисленных научных, публицистических и художественных произведениях XX века. Вместе со всем комплексом фрейдистского наследия эта идея стала не только объяснительным коррелятом реальности, но и ее конститутивным элементом, ведь: «...психоанализ сам есть момент развития культуры, поскольку интерпретация, которую он дает человеку, является непосредственным вкладом в культуру как целое... интерпретируя мир, психоанализ изменяет его» [3, с. 188].

В свете вышесказанного рассмотрим фрейдомарксистские (неофрейдистские) представления о «конфликте поколений» и их связь с конкретно-историческими событиями, ставшими воплощением, иллюстрацией и отчасти причиной этих представлений. В определенной мере оправдана критика социологов А. Турена и С. Липсета в отношении теорий «конфликта поколений», справедлив и патетичный протест В. А. Лукова в отношении, как он считает, «псевдо-вечности» данной темы. Но на что направлен их протест? И в каком смысле он оказывается оправдан? Направлен он на действительно порочное желание увидеть в развитии общества некий фундаментальный момент, называемый «конфликтом поколений» и берущийся по идеализированному представлению о нем в стиле 1960-х годов. И оправдан этот протест именно в социологическом ракурсе анализа социальной реальности. В таком случае доводы вышеуказанных социологов справедливы – нет совершенно никаких достаточных (социологических) доводов в пользу выделения в ткани социальной реальности некоего масштабного «конфликта поколений» как константно повторяющегося явления. Все эти визионерские представления есть наследие марксистских, ницшеанских и фрейдистских идей. Влияние З. Фрейда в данном случае понятно. Влияние К. Маркса заключено в самой идее революционного преобразования социального порядка в целом, чего Фрейд никоим образом не выводил из своей теории межпоко-

ленческого антагонизма. Влияние же Ф. Ницше на фрейдомарксизм и идеологию «студенческого бунта» заключается в смещении сферы революционного преобразования с экономической (как постулировано Марксом К.) на ценностную. Ведь отнюдь не в преобразовании экономического порядка самого по себе виделось спасительное будущее теоретикам фрейдомарксизма (например, Маркузе Г.), а в новых ценностно-нравственных основаниях цивилизации, при снижении примата экономики. Порядок этот, основанный на понятиях «игры», «свободы естественных стремлений», «праздника», ключом к воплощению которого должна была стать детская непосредственность невстроенной в социально-экономический порядок молодежи, безусловно, является наследием нищестанства с его апологией «грядущего» и идеей «третьего превращения»: «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения» [2, с. 35]. Всякое представление есть модель, позволяющая упорядочить, интерпретировать некие факты противоречивой жизни, опыт мира. Фрейдомарксизм, равно как и события «молодежного бунта 60-х», стал вехой в развитии фрейдистской интерпретации реальности, где представление о сложных и зачастую конфликтных отношениях между поколениями является одним из основных. Благодаря распространенности, трансляции данной модели представлений, западная цивилизация получила новый канон интерпретации – и конфликтный аспект отношений поколений оказался гипертрофирован как в теоретических моделях исследования общества, так и в искусстве. Можно сказать, что представление о конфликтности поколений пронзают нашу реальность. Но суть в том, что одного наличия объективного основания для данной символической гиперболизации (а «конфликт поколений» несомненно символ) недостаточно. Мы уверены, что когнитивные основания конфликтности существовали всегда. Макросоциальные же условия данной конфликтности историчны, как историчны и легитимирующие представления о ней. Всякое явление, претендующее на макрозначимость, нуждается в легитимации в рамках общественного сознания. И ситуация 1960-х годов в таком случае и предстает окончательным синтезом оснований данной легитимации – после 1960-х в социокультурном смысле концепт «межпоколенческого конфликта» оказался прочно вписан в саму ткань нашей реальности. Однако бесспорно и то, что попытка увидеть «конфликт поколений» как мессианский феномен революционного преобразования общества (т.е. редукция конфликта во многом к социально-политической проблематике) обречена на провал и закономерно критикуема за свой спекулятивный характер. В своей гиперболизированной ипостаси тема межпоколенческой конфликтности преобразуется в квазимарксистскую теорию «конфликта поколений» и в таком виде она является не более, чем социальным мифом XX века, затемняющим реальную проблематику конфликтности во взаимоотношениях поколений.

Таким образом, мы проследили, как общее течение теоретической мысли Нового и Новейшего времени, взятое в контексте ее эмансипации от традиционного, патриархального влияния христианской идеологии и этики, привело к возникновению специфических представлений о противоречивости и конфликтности отношений между поколениями в обществе. Также мы должны отметить, что формирование подобных представлений оказалось связано с определенными теоретическими искажениями того эмпирического материала, что лежит в их основе как их предпосылка. Следствием данного искажения стала трактовка межпоколенческой конфликтности в заведомо гиперболизированных построениях фрейдомарксизма, аккумулировавшего весь прогрессистский пафос философского наследия К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда. В таком виде межпоколенческая конфликтность – естественное, неизменное явление в жизни отдельных индивидов и семей, возникающее в результате закономерного расхождения представлений о реальности, обнаруживающихся в процессе развития личности и при соответствующей психоэмоциональной реакции влекущих за собой реальный конфликт, оказалось перенесено на макроуровень социальной реальности и представлено в рамках теорий так называемого «конфликта поколений». Всякая теория есть попытка интерпретировать определенную часть реальности, дать ее объяснительную модель. Однако теории «конфликта поколений», являясь апофеозом осмысления конфликтной стороны отношений поколений в семье и обществе, чрезмерно преувеличили и романтизировали конфликтный аспект. За счет мессианских, визионерских и революционных элементов данные теории превратились в своеобразный миф XX века – миф, скрывающий за собой то действительное, что могло бы быть предметом изучения исследований, нацеленных на понимание причин и смысла конфликтных явлений в отношениях поколений.

Необходимо также указать и на связь между формированием представлений о межпоколенческой конфликтности в рамках гуманитарного знания эпохи Нового и Новейшего времени и формированием подобных представлений в более широком смысле – в качестве феномена общественного сознания. Вне всяких сомнений, проблема «конфликта поколений», «проблема отцов и детей», является предметом рефлексии не только в рамках теоретически оформленной научной мысли. Широко известны отражения данной проблематики в литературе, и более того – в современном мире тема межпоколенческой конфликтности приобрела статус «вечной». Как мы считаем, данная ситуация была бы невозможна без «обработки» темы межпоколенческой конфликтности в различных формах общественного сознания, в том числе и в общественно-гуманитарном знании.

Литература

1. Локк Д. Сочинения в трёх томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 671 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Академический Проект, 2010. – 319 с.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
4. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Академический Проект, 2008. – 676 с.

УДК 130.2

В.Л. Круглов

СТРАТЕГИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ КАК ЗАКОН ИСКЛЮЧЁННОГО «ПЕРВОГО»

В статье обсуждается гуманистический потенциал принципа дополнительности в качестве альтернативы деструктивным тенденциям современной мысли.

Ключевые слова: принцип дополнительности, мышление, методология, регресс, деструкция, человек.

V.L. Kruglov

THE COMPLEMENTARITY STRATEGY AS THE LAW OF THE EXCLUDED "FIRST"

The article discusses the humanistic potential of the complementarity principle as the alternative to the destructive tendencies of modern thought.

Key words: complementarity principle, thinking, methodology, regression, destruction, man.

Мы постараемся развернуть свои соображения не в традиционной – суммативно-инструментальной интерпретации принципа дополнительности, а в плоскости проблемы немысленности «мыслимого», которая отчасти созвучна в аберрации современной рефлексии вопросу мысленности «немыслимого», развиваемого у ряда представителей так называемой постметафизики благодаря творчеству Ж. Делёза и Ж. Деррида.

Решение указанного движения, по сути, покоится на обосновании инверсии следующих положений: а) имеет смысл мыслить нечто как «несуществующее»; б) имеет смысл мыслить нечто как «бесмысленное»; а отсюда – имеет смысл осмыслить нечто за скобкой дискурсивной артикуляции как непроявленное, «невыраженное», т.е. на голой поверхности квазипричинной коммуникации (понятие эзотерического языка в «Логике смысла» Делёза Ж.) или в топосе чистого «со-общения» (всплывает образ «почтовой открытки» Деррида Ж.): «Речь идёт не столько о прорыве к непосредственному, сколько о полагании того места, где непосредственное дано «непосредственно» как нечто не-достижимое» [1, с. 168; 2, с. 5–6].

Следует заметить, что такая позиция вполне последовательно исключает субъект-объектную стратегию из арсенала философа: «Понятия субъекта и объекта не позволяют подойти вплотную к существу мысли» [3, с. 111]. Однако же в горизонте подобного исключения обнаруживает себя ещё одна деструктивная интенция, спровоцированная в метафизике прошлого столетия еще М.Хайдеггером, – мы имеем в виду его программную ревизию онтологии, которая, в свою очередь, черпала основание в критических интуициях И. Канта и Ф.Ницше [См.: 4, с. 142–224]. Деструктивный пафос создателя фундаментальной онтологии вылился в постметафизическом мышлении в устранение классической онтологической установки – всякая онто-логика есть лишь принцип сокрытия основания, задающего возможность интенционального поля «данности» предметности, которую как раз-то и выводят из обращения философской аналитики.

С одной стороны, и Ж.Делёз, и Ж.Деррида блестяще вскрывают регрессивный характер любого методологического инструментария метафизики – смысл как соприкосновенная грань вещи и события регрессивно [Ср.: 5, с. 100] развёртывает топос мышления, вплоть до соединения несоединимого, абсурда. Парадокс регресса, или *неопределенно-бесконечного* размножения вербальных сущностей, у Ж.Делеза в логическом смысле обозначенный как «синтез имён», «есть-говорить, поглощаемые вещи-выражаемый смысл», известен и как парадокс Г.Фреге: «...если дано предложение, указывающее на некое положение вещей, то его смысл всегда можно рассматривать как то, что обозначается другим предложением», «серия может регрес-